СТАЛИН И МЫ
С РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Термин "культ личности Сталина" отражал всю "половинчатость" породившей его эпохи – эпохи хрущевских идеологических и политических реформ. С одной стороны, он совершенно верно указывает на важнейший аспект созданной при Сталине идеологической системы. При этом "инстиктивно" найдено очень верное слово "культ", указывающее на религиозную природу этой системы. С другой стороны, термин этот явно призван был внушить людям, что то, с чем боролось хрущевское реформаторство, – относительно случайное, какая-то досадная аберрация. Один, пусть очень важный, аспект сталинской идеологической системы – культ его личности – здесь выхвачен из контекста, который Хрущев трогать не решался и даже его нв осознавал.

Между тем сейчас совершенно ясно, что культ личности Сталина неотделим от целого ряда других "культов". Так, представление о непогрешимости Сталина было логически неотделимо от представления о том, что партия – всегда права (папа непогрешим только потому, что церковь – тело Христово). Культ личности Сталина неотделим от религиозного отношения к личности великого создателя нашего государства Ленина. Он исторически возник из этого отношения и базироеался на нем (Сталин – это Ленин сегодня). Он неотделим от догматически-начетнического отношения к трудам Маркса, Энгельса и Ленина, и от многого другого. Одним словом, культ Сталина – лишь один из аспектов целостной и стройной религиозно-догматической системы, сложившейся в его время, а система эта, в свою очередь – лишь кульминация, крайнее и законченное выражение, расцвет религиозно-догматических тенденций в нашей идеологии, зародившихся задолго до Сталина, более того, изначально присутствующих в ней и отнюдь не исчезнувших со смертью Сталина.

Эти религиозно-догматические тенденции, этот религиозный аспект нашей идеологии требует всестороннего и пристального религиоведческого анализа. Мы должны перейти от констатации (негодующей или злорадной) отдельных элементов сходства нашей идеологии и традиционных религий к спокойному и систематическому их сраенению, вычленению как общих закономерностей, так и особого, принципиально не схожего. Без этого, на наш взгляд, мы никогда не сможем разобраться в самих себе, е логике нашего развития. Настоящая работа, естест-

ввнно, не является таким полным и всесторонним анализом, но это подступ к данной теме, набросок такого анализа*.

* * *

Прежде чем приступить к попытке сопоставления нашей идеологической структуры и эволюции со структурой и эволюцией традиционных религий, мы должны попытаться определить основу такого сравнения. Сравнивать какие-либо яеления можно лишь постольку, поскольку в каком-то своем аспекте эти явления тождественны, входят в одну категорию явлений и подчиняются общим законам этой категории явлений, поразному проявляющихся в них. В чем же заключается глубинное тождество нашей идеологии и традиционных религий, обуславливающее их принадлежность к одному классу явлений и делающее их сравнение не метафорическим, а реальным? Это – то, что и религии и наша идеология есть объекты веры.

Вера – это то отношение к какой-либо идее (или комплексу идей), когда ценность ее – не в ее соответствии реальности, внешнему опыту, а в том, что она удовлетворяет нашим внутренним, человеческим потребностям, придает смысл и значение нашим жизням. Идеи, не обладающие такой ценностью, значение которых – чисто "инструментальное", без жалости и сожаления отбрасываются, как только выясняется их несоответствие данным опыта. Наука имеет дело с такими идеями, или, вернее, с любыми идеями, но в таком их "инструментальном" аспекте представляет собой организацию таких идей. Она постоянно критикует и постоянно проверяет. Но идеи, ставшие объектом веры, сопротивляются критике – и критике других, и "критике" реальности. По отношению к таким идеям начинают действовать совершенно иные механизмы – не механизмы их прoеерки, а механизмы их защиты от проверки. "Дорогую" идею человек не отдаст на поругание первому попавшемуся факту – скорее он закроет глаза на этот факт, выработает систему поведения, гарантирующую от того, чтобы подобные факты попадались ему на глаза, а если уж это никак не получается, то все равно не отбросит идею, а бережно ее переинтерпретирует. Гибель такой идеи означает личный кризис и обязательно – поиск новой идеи. И то же самое – на уровне общества, где действуют уже не личные, а социальные механизмы защиты веры (четко фиксированная догма, поддерживающая эту догму, обладающая идеологической дисциплиной организация, структурирующий чувства людей культ) и где утрата веры – кризис не личный, а общественный. И именно факт веры, а не со-

*Существует сильное психологическое протиеодействие такому анализу и сравнению. Со стороны приеерженцее нашей идеологии оно связано с тем, что такое сраенение яеляется как бы ее унижением – идеология передоеая, научная сраениеаетcя с идеологиями дреаними, архаичными, "реакционными". Но такое же протиаодейстеие исходит и со стороны всех тех, кто или религиозен или, во всяком случее, питает большое почтение к традиционным религиям. Для теких людей подобное сравнеие тоже оскорбительно, только оскорбительно для религий.

Автор, однако, убежден, что исследователь может добиться результатов роано настолько, насколько он может осеободиться от своих пристрастий, не дааать им елиять на ход его мысли. Во всем последующем изложении он старался быть максимально объектиеным.

держание этой веры делают столь разные идейные явления, как, например, буддизм и христианство, явлениями одного порядка и подлежащими ведению одной научной дисциплины. Учение Христа и учение Будды едва ли не противоположны, но оба они – объекты веры, и соответственно по отношению к обоим им действуют общие механизмы защиты веры, модифицированные в каждом случае разным содержанием веры. Культ личности основателя здесь очень разный, но это – культ личности основателя, канон Священного писания разный, но это – канон и т.д.

И этот же факт веры делает возможным сопоставление нашей идеологии с христианством, мусульманством, буддизмом и т.д. Марксизм – это научная теория, ставшая объектом веры. И вера эта – не "квази-вера", а реальная вера, за которую люди героически отдавали свои жизни, не менее героически, чем христианские или любые иные мученики, и за которую они убивали не в меньших масштабах, чем те же самые христиане или мусульмане. Как научная теория, он должен рассматриваться в ряду других теорий, критиковаться, проверяться, развиваться. Но как объект веры он подчиняется общечеловеческим законам веры и должен рассматриваться и изучаться в ряду других вер с целью как лучшего уяснения этих общечеловеческих закономерностей, предстоящих перед нами в новом и очень интересном воплощении, так и лучшего уяснения наших исторических судеб.

Но если общие закономерности веры каждый раз модифицируются спецификой содержания ставших объектами веры идей, значит, первой нашей задачей является выяснение этой специфики содержания.

* * *

Какого рода идеи могут стать объектом веры?

Очевидно, на личном, индивидуальном уровне объектами веры могут стать практически любые идеи. Что только не придает смысл индивидуальным жизням, не интегрирует (худо-бедно) человеческие личности и не защищается на индивидуальном уровне теми же защитными механизмами исключения противоречащей информации, которые в больших масштабах действуют в больших человеческих коллективах! Дикарь может верить в то, что именно данный амулет помогает ему преодолеть окружающие опасности, и это будет давать ему силу жить и бороться. Человек может верить в то, что он великий талант, который в конце концов пробьет себе дорогу. Женщина может верить в то, что ей обязательно встретится в конце концов великая любовь. Все эти разнородные идеи дают силы жить, интегрируют личности, и люди так просто их не отдадут, а будут бороться за них. Большие группы людей и надолго, естественно, могут сплотить лишь большие и общезначимые идеи, способные внести смысл в жизнь многих. Но большие ли это идеи или малые, "дикарские" или современные, любая возникшая вызывающая веру идея всегда отливается в определенную форму, обладает определенной "структурой содержания". Что же это за форма?

Рассмотрим ситуацию столкновения человека (или группы людей) с идеей, становящейся объектом веры. При всей кажущейся простоте этого акта на самом деле он обладает очень сложной структурой. Прежде всего, он делит время пополам – на время ("личное" время биографии или "общее" время истории) до него и время после. Человек не знал сво-

его призвания – теперь он его узнал. Дикарь не имел амулета – теперь он его достал. Бог не являл людям истину – теперь он ее явил. Люди не знали закона разеития человечестеа – теперь этот закон открыт. При этом прошлое, время до обретения веры, естественно, оценивается негативно. Это – действительно мучительное время, ибо жить без веры – трудно, но появление веры ретроспективно еще более окрашивает его в черные тона. Это – время страданий и заблуждений. Но обретение веры не только делит время на время до него и после него. Оно еще делит и прошлое и будущее.

Обретение веры – это еще не обретение счастья, это лишь обретение пути к его достижению. Вера дает жизни смысл, стройность, упорядоченность, человек знает теперь, как идти к прекрасному будущему, с чем и с кем бороться. Но это будущее – впереди. Призвание уже понято, но признания еще нет. Путь к спасению души ясен, но блаженство рая – за гробом. Путь построения счастлиеого и справедливого общества – открыт, но это общество должно еще быть построено. Следовательно, будущее еремя также членится на еремя от акта обретения веры до достижения счастья и время после достижения счастья. Сейчас время – всегда переходное, время борьбы и страданий.

Но также членится и прошлое. Признать прошлое просто плохим – это значит признать плохим и сам факт нашего появления на свет. Но дать смысл жизни можно, лишь утверждая ценность этой жизни. Поэтому акт возникновения веры подразумевает, что до мрачного времени, непосредственно предшествоваешего появлению еевы, было еще какое-то смутное хорошее время – золотое детство, и то добро, к которому должна привести вера, – это как бы возвращение этого изначального добра "на новом высшем этапе", так что оно уже не сможет быть утрачено.

Мы видим, таким образом, четырехчастное деление времени, создаваемое обретением веры. Оно может невероятно усложниться, оно может присутствовать сразу на многих уровнях (как история души индивида и история мира), но оно возникает всегда, когда возникает вера. Был когда-то хороший изначальный период (первый рай), затем наступил очень плохой период, затем появилось знание того, как освободиться от зла, и сейчас – период переходный, будет победа и счастье (второй и окончательный рай). В религиях, не имеющих исторических основателей, возникающих эволюционным путем в туманной предыстории, как индуизм, эта схема присутствует в относительно завуалированном виде (в структуре мифов, в картинах мира, создаваемых отдельными, возникающими при свете истории, "сектами"), но в религиях, имеющих исторических основателей, она присутствует в яркой и обнаженной форме. Наличие этой общей схемы создает возможность сравнения разных религиозных учений, каждое из которых наполняет эту схему своим уникальным содержанием, по-разному определяя то "спасение", которое они сулят людям, и указуя разные пути его достижения.

Как наша идеология укладывается в эту схему веры?

Естественно, научное содержание теории (или совокупности теорий) марксизма прямого отношения к этой схеме не имеет. Эти теории должны рассматриваться в научном контексте – проверяться, уточняться, критиковаться, сталкиваться с другими теориями и интегрироваться с ними. Но марксизм с самого начала обладал не только научным значением. Титаническая научная работа, проделанная основателями марк-

сизма, совершалась не только ради познания истины. Она соаершалась еще и для того, чтобы найти смысл жизни и истории для людей, осознавших, что религиозные и философские системы прошлого – обман и самообман, оказавшихся в духовном вакууме и остро переживающих несправедливость окружающего мира, уже не уравновешиваемую идеей загробного аоздаяния. Удивительно красиво и ярко, с истинно пророческой страстностью пишет об этом сам К. Меркс: "Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*... Задача истории, следовательно – с тех пор как исчезла правда потустороннего мира, – утвердить правду посюстороннего мира"[1]. И далее: "Критика религии завершается учением, что *человек – высшев существо для человека*, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом"[2]. И это – идеи отнюдь не только молодого К. Маркса. Поздний Ф. Энгельс в своей работе "К истории пврвоначального христианства" совершенно так же рассматривает отношение марксизма и религии – христианство, возникающее при разложении античного мира – это как бы античный аналог социализма, возникающего при разложении буржуазного мира. "Дело лишь в том, что христианство, – а в силу исторических предпосылок это и не могло быть иначе, – хотело осуществить социальное переустройство не в этом мире, а в мире потустороннем, на небе, в вечной жизни после смерти, в "тысячелетнем царстве", которое должно-де было наступить в недалеком будущем"[3]. Мысль здесь выражена иными словами, но это та же мысль – "тысячелетнее царство" – это иллюзорный социализм, социализм – это реальное "тысячелетнее царство".

Это стремление к реальным, а не иллюзорным, земным, а не потусторонним счастью и справедливости для измученных людей, для "страждущих и обремененных" буржуазного общества, к земному раю и было духовным источником деятельности основоположников марксизма. Естественно, что интеллектуальные итоги их деятельности, их теория, указующая путь к этому раю, приобретала для них и их последователей колоссальное личное, экзистенциальное значение, становилась объектом веры, а следовательно, воспроизводила логику веры, общечеловеческую схему веры – с тем большей четкостью, что воспроизводилась она бессознательно[4].

---

[1] К. Маркс. "К критике гегелевской философии права". – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 415.

[2] Там же, с. 422.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 468.

[4] Здесь надо сделать две оговорки. Во-первых, бесоознательность эта заключается не в том, что они не осознавали аналогий их учения и христианства, напротив, они осознавались прекрасно, но как аналогия реальности и ее мечтательного предвосхищения, а не как аналогия двух веp. Во-вторых, хотя воздействие христианской мифологии на их мысль очеeидно (и сознательное и бессознательное, и прямое и косвенное), общность схемы все же вытекает не из этого воздействия, а из самого факта возникновения веры – ведь эта схема присутствует и там, где никакого воздействия иудео-христианской традиции быть не могло, например в буддизме.

Человвчество утрачивает первобытный коммунизм (который совершенно не случайно именуется так жв, как и завершающий историю коммунизм, это – "первый рай") в результатв появления частной собственности (аналог грехопадения). Начинается эпоха эксплуатации человека человеком и господства ложных форм сознания. Учение Маркса и Энгельса впервые открывает законы общественного развития, показывает неизбежность конца эпохи страданий и путь к новому прекрасному обществу (аналог откровения). Начинается "переходная эпоха", когда вооруженный знанием истины пролетариат ведет борьбу с силами зла. Его победа неминуема, и уже скоро наступит время, когда частная собственность будет ликеидирована и соответственно "отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями"[1], появятся новые прекрасные люди, которым не нужен будет ни религиозный самообман, ни лицемерная мораль буржуазии. И если у самих Маркса и Энгельса, при всем их сознании грандиозности своих открытий, естественно, нет самовосхваления, то их ученики делают из них фигуры прямо-таки божественные. Вот поразительный по богатству религиозных мотивов и "прозрачности" религиозной схемы текст К. Каутского: "Маркс умер как раз на пороге той эпохи, когда, наконец, начали поспевать плоды, посеянные им в бурное, безотрадное время... Последовал период непрерывного подъема пролетариата, резко отличающийся от того времени, когда Маркс – *одинокий, мало понятый, но много ненаеидимый мыслитель – боролся против цвлого мира врагов* за распространение своих идей в среде пролетариата. Эти условия могли бы привести в отчаяние и лишить надежды всякого человека, но у Маркса они не отнимали ни гордой уверенности, ни бодрого спокойствия. Он так высоко поднимался над своей эпохой, видел настолько дальше своего времени, что он уже *ясно различал обетованную землю, о которой и не подозревала громадная масса его современников*. В своей грандиозной научной системе, в своей глубокой теории чврпал он всю силу своего характера... Из этого же источника должны черпать силу и мы, марксисты. И мы только тогда можем быть уверены, что е предстоящей тяжелой и великой борьбе мы... разовьем максимум сил и энергии, на которую только способны... И знамя освобождения пролетариата, а вместе с ним и всего человечества, развернутое Марксом... – это знамя победоносно водрузят на развалинах капиталистической твердыни борцы, которых он воспитал"[2]. Текст этот говорит сам за себя и в комментариях не нуждается.

Новое научное содержание организуется древней и вечной схемой, как содержание современного реалистического романа организуется той же сюжетной схемой, которая конструировала древний эпос. Но как наличие общей сюжетной схемы не означает тождества романа и зпоса, так наличие общей идейной схемы не означает тождества марксизма и традиционных религий. Различия здесь очень большие, и как мы можем говорить лишь об основных соответстеиях (на самом деле их значительно больше и их вычленение – задача колоссальной сложности), так же мы можем указать лишь на основные, "на поверхности лежащие" различия.

Прежде всего, став объектом веры, марксизм не перестал быть научной теорией, апеллирующей к разуму и фактам, делающей, как лю-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 123.

[2] К. Каутский. Карл Маркс и его историческое значение. М., 1923, с. 46–47. Курсив мой. – Д.Ф.

бая теория, эмпирические верифицируемые предсказания. Его существование – двойственно. Как научная теория, он подлежит верификации, зависим от верификации, он должен обогащаться и развиваться – все эти идеи непосредственно заложены в нем, четко проговорены его основателями и отказаться от них нельзя. В отличие от христианства или мусульманства, учений о загробном, потустороннем мире, делающих относительно неверифицируемые предсказания, он не может провозгласить свою независимость от опыта и требовать веры. Как объект веры, он наоборот, должен защищаться от верификации и всегда оставаться неизменным, самому себе равным. Две его "ипостаси" находятся в постоянном и разительном противоречии друг с другом. Между ними – постоянное напряжение и соответственно – постоянное напряжвние существует между ним и реальностью.

Во-вторых, марксизм не просто научная теория, а теория социального развития. Он не мог стать верой, требующей индивидуальной перестройки, борьбы с самим собой и обещающей за это индивидуальную же награду. Он мог стать лишь верой, требующей социальной перестройки, социальной борьбы и обещающей не индивидуальное, а социальное "спасение", причем победа е этой социальной политической борьбе – это подтверждение его истины.

* * *

Как есть общечеловеческая "схема веры", каждый раз наполняемая разным содержанием, так есть и общие законы социального бытия и эволюции веры, модифицируемые разным содержанием веры, разной "средой обитания" и разными историческими обстоятельствами.

Любое победоносное учение всегда возникает на фоне определенного духовного движения. Его основатель – один из многих учителей, проповеди которых схожи. Гаутама Будда был один из многих индийских проповедников того времени, как и он, противопоставляющих свой путь к спасвнию, открытый для всех, ритуализму и кастовости традиционного брахманизма. Иисус – один из многих учителей, бродивших по Палестине, имена большей части которых канули в Лету. Магомет появляется на фоне широкого пророческого движения в арабских племенах. Учение марксизма также возникает на фоне более широкого движения к коммунизму, принимавшего самые разные формы, классифицированные в "Манифесте Коммунистической партии". Упадок традиционных религиозных вер порождает стремлвние к новым идейным системам, основанным на науке и стремящимся положить конец нищете и бесправию народных масс и установить "рай на земле". Ф. Энгельс писал, сравнивая коммунистическое движение и раннее христианство: "...борьба с всесильным вначале миром и вместе с тем борьба новаторов между собой – одинаково присущи как ранним христианам, так и социалистам... массовые движения на первых порах по необходимости сумбурны: сумбурны в силу того, что всякое мышление масс вначале протиеоречиво, неясно, бессвязно; сумбурны они, однако, и в силу той роли, какую на первых порах еще играют в них пророки. Эта сумбурность выражается в образовании многочисленных сект, борющихся друг с другом по меньшей мере с такой же ожесточенностью, как и с общим внешним врагом..."[1] И как Гаутама, Магомет, Иисус – это одни из многих, но ока-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 478.

завшиеся лучше других, наиболее адекватно воплощающие общие духовные потребности своего времени, так и Маркс и Энгельс, очевидно, выше своих "конкурентов", не обладавших их уникальным сочетанием пророческой страстности и высокой энциклопедической научности.

Когда из массы схожих проповедников выделяется один, привлекающий к себе внимание, духовное движение начинает кристаллизироваться вокруг него, он становится как бы центром притяжения. Раньше люди искали веру, теперь они обретают ее. И здесь начинается процесс, происходящий с любой ставшей объектом веры религиозной системой – процесс "рутинизации харизмы".

Основатель учения – никогда не "догматик". Это – пророк, творческая личность, нонконформист. И его учение в своем первоначальном виде, естественно, носит на себе отпечаток его личности. Его слова ярки, мощны, но не образуют логически четкой и непротиворечивой догматической системы. Это – слова "имеющего власть", а не "книжника" и "фарисея". Из слов Иисуса с одинаковыми основаниями выводились самые разные следствия. В них зародыш не одной, а всей суммы последующих христианских теологических систем. К основоположникам марксизма это применимо ничуть не меньше. Маркс и Энгельс были живые люди с сильной творческой мыслью, "бьющей ключом", обуреваемые переполнявшей их страстью, выливавшейся в ярких пророческих образах. Естественно, что очень многие положения их многочисленных работ противоречат друг другу, очень многие положения допускают самые разные истолкования. В этом богатстве мысли – их сила, но именно это богатство – то, что должно быть "изжито" и утрачено. Свобода и сила их мысли вызывают веру, но вера эту же свободу и силу мысли уничтожает. Вера предполагает, что истина – одна, создатель учения обладает ею в полном объеме и не допускает мысли, что он может противоречить сам себе (истина сама себе не противоречит). Следовательно, она ставит задачу – превратить интуицию основателя в четкую, ясную, не допускающую разных толкований догму, которая должна строиться на основании его слов, поэму превратить в школьный учебник, недвусмысленно ответить на вопрос: "Что хотел сказать поэт в этом стихотворении?" В случае с марксизмом задача эта еще более усложняется тем, что Маркс и Энгельс – ученые, их теории – научные теории, предполагающие верификацию и развитие. Поэтому процесс догматизации может происходить лишь бессознательно. Догма ни в коей мере не должна называться догмой. Тем не менее еще при жизни основателей этот процесс начинает идти полным ходом, вызывая ужас их самих перед их последователями, добросовестно стремящимися свести их интуиции к четким и ясным формулам. Начинается тот великий процесс, который превратил сочинения Маркса и Энгельса в учебник диамата и истмата.

Процесс догматизации неизбежно должен иметь свой организационный эквивалент, ибо создание догмы – это создание идеологической дисциплины и, следовательно – создание организации, способной установить такую дисциплину. Авторитет основателей – харизматический авторитет, люди верят им не потому, что они занимают какие-то места в иерархиях, а, наоборот, потому, что они – вне иерархий, бросают вызов всем иерархиям. Но догматизация их учения предполагает создание бюрократических иерархий. Аморфные кружки учеников должны также перерасти в иерархическую церковь, как страстная проповедь основателя должна превратиться в догму. При этом характер этой иерархичес-

кой организации, естественно, каждый раз модифицируется характером догматизирующегося учения. Мусульманская община – это не христианская церковь и не буддийская сангха. Естественной организационной формой, которую принял марксизм, учение о социальном переустройстве, предполагающее приход к власти и проведение социальных преобразований, был международный союз партий. И как марксизм – это и научная теория, имеющая инструментальное значение, и объект веры, так и марксистские партии – это и "инструментальные" организации, цель которых – проведение определенной политики, и организации сакральные, цель которых – укрепление и защита веры, марксистский аналог церкви.

Процесс "рутинизации харизмы" – догматизации и построения обладающей идеологической дисциплиной организации – общий процесс, совершавшийся везде, куда попадали семена революционного марксистского учения. Но различные национальные условия по-разному модифицировали этот процесс.

* * *

Марксизм возникает в Западной Европе, и его основатели видели в нем прежде всего учение, выражающее интересы пролетариата наиболее развитых стран. Между тем именно в этих странах условий для победы марксизма и его превращения в "государственную церковь" не сложилось. Процесс догматизации здесь быстро сменяется процессом "размывания" догматического марксизма. Процессы эти могут быть переплетены: Каутский одновременно и "догматизатор", один из "отцов церкви", и "ревизионист". Это связано с рядом факторов. Во-первых, не произошло того абсолютного обнищания пролетариата, которое казалось неизбежным в середине XIX века, и соответственно отступают эсхатологические настроения, страстное ожидание "конца света", вызываемое невыносимыми жизненными условиями. Во-вторых, дехристианизация также не развивалась такими быстрыми темпами, как это можно было представить в середине века. Западные формы христианства смогли приспособиться в той или иной мере к новым обстоятельствам, обрести относительную устойчивость и соответственно – тот религиозный вакуум, который мог бы быть заполнен новой верой, оказался не так велик. В-третьих, парламентские режимы этих стран и возможность легального функционирования марксистских партий неизбежно вызывают идейные сдвиги – упор на мирную и легальную борьбу, постепенное отступление "эсхатологии", замена идеи "внезапного" революционного наступления справедливого общества идеей его постепенного построения, усиление прагматизма и идеологической терпимости. Эта трансформация марксизма имеет свою параллель в аналогичной трансформации, которую претерпевали в странах буржуазной демократии христианские церкви. (Путь от раннего марксизма к Миттерану, германским социал-демократам и английским лейбористам аналогичен, например, пути католической церкви от Пия IX к Иоанну Павлу II или от мрачных кальвинистских и лютеранских догматиков к современному либеральному протестантизму.) Таким образом, "церковные" тенденции здесь оказываются относительно слабыми и быстро уступают место другим тенденциям.

Совершенно иначе пошло развитие марксизма в России – стране, где нищета и бесправие народных масс были неизмеримо больше, чем на Западе, где не было парламентских институтов и где ригидность и нетерпимость господствующей (и одновременно подчиненной самодержавию) церкви привели к фактической дехристианизации народных масс. Здесь естественно развиваются именно революционно-эсхатологические тенденции марксизма, здесь сильнейшая тенденция к догматизации и построению сплоченной железной дисциплиной и "железной" догмой партии. В построенной на аналогах социалистического движения и раннего христианства работе "К истории первоначального христианства" Энгельс пишет, сравнивая будущую революцию с принятием христианства Константином I: "... вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед. Через триста лет после своего возникновения христианство стало признанной государственной религией римской мировой империи, а социализм за каких-нибудь шестьдесят лет завоевал себе положение, которое дает ему абсолютную гарантию победы"[1]. Но "ирония истории" заключалась в том, что эта победа пришла не там, где ожидали ее Маркс и Энгельс, – не в передовых странах Запада, а в России (а затем и в таких странах, как Китай, Албания, Вьетнам, Эфиопия). Марксистской "государственной и народной церковью" суждено было стать не бóльшим легальным и богатым марксистским партиям Запада, а маленькой, раздираемой внутренней борьбой и преследуемой российской партии.

И как христианство, став государственной и общенародной религией, претерпело громадные идейные изменения, так же преобразовался марксизм, создав формы, отличающиеся от раннего марксизма не менее разительно, чем христианство римских пап XVI века или их современника Ивана Грозного отличалось от христианства катакомб. Процесс этот шел также незаметно, без видимых разрывов с прошлым и крайне быстро – во много раз быстрее, чем эволюция христианства.

* * *

Важнейшим фактором эволюции марксизма в СССР было его быстрое превращение из веры незначительного меньшинства в веру всего народа. Толпы народа хлынули в партию, но число приверженцев марксизма отнюдь не ограничивается членами партии. Партия – это только наиболее сознательные, избранные, а основные положения религиозно интерпретированного и догматизированного марксизма очень скоро были усвоены подавляющим большинством населения. Почему это произошло?

Прежде всего – потому что революционный марксизм соответствовал думам и чаяниям народа, фактически утратившего веру в божественную справедливость и загробное воздаяние, ненавидящего угнетателей и мечтающего о земном рае. Народ "созрел" для религиозного усвоения марксизма. И как это много раз бывало в истории, страстная вера сама создает эмпирические доказательства своей правоты. Люди верят в неизбежность победы революции, которая откроет путь к построению

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 467.

счастливого и справедливого общества, рая на земле (при этом в период революции никто не мыслил категориями десятилетий построения социализма и коммунизма: государство, деньги, – все это должно исчезнуть очень скоро). И эта вера дает им силы совершить немыслимое, ибо победа Советской власти над всеми – белогвардейцами и петлюровцами, интервентами и басмачами, эсерами и махновцами (и это несмотря на безумную экономическую политику военного коммунизма) – это именно подвиг веры. Но одновременно это "эмпирическое доказательство" того, что вера эта истинная, что вожди революции действительно владеют чудодейственной истиной, что учение, под знаменем которого оно совершалось, действительно "всепобеждающее". Вера сама исполнила свои пророчества.

Но массовый приход народа к марксизму-ленинизму объясняется, конечно, не только этим. Дело еще и в том, что победители постепенно начинают стаеить "неверующих" во все более невыносимое положение. В действие включается механизм террора и соответственно – механизм конформизма, люди начинают поддаваться не только идейным убеждениям, но и страху, убеждая себя, что самая безопасная идейная позиция и есть самая правильная. Нам, находящимся на совершенно ином этапе идейного развития, в ином духовном мире, очень легко осуждать чекистов и комсомольцев, разрушавших храмы. Но для того, чтобы судить их справедливо, надо понять их мир, мир веры. Ведь то, что они делали, делали всегда и везде те, кто верил "по-настоящему"! Если вы действительно убеждены, что проповедь христианства – это спасение человеческих душ, а язычество губит души, вы не будете спокойно смотреть, как в языческих храмах поклоняются демонам. И если вы глубоко убеждены, что знаете путь "социального спасения", быстрого достижвния всеобщего счастья на земле, вы не будете спокойно смотреть, как невежественных людей совлекают с этого пути на дорогу, ведущую к безмерным страданиям, снова в тот ад, из которого люди только что начали выходить. Вера всегда имеет два лика, две "ипостаси" – мученика и палача, причем мученик и палач легко и даже незаметно "переходят один в другого", "меняются местами".

Иногда кажвтся, что, например, декрет о свободе совести и тут же – ожесточенная и даже кощунственная атеистическая пропаганда (пропаганда, на которую ответить было невозможно) – это проявление лицемерия. Но это не так. Просто вера – слепа, она настолько убеждена в том, что она – истина, что насилие видится ей иначе, чем оно видится со стороны. Ведь это насилие педагогическое, это раскрытие людям глаз на правду, это снятие с их глаз пелены, это – не насилие над совестью, а освобождение совести[1]. Поэтому проблема чисто внешнего, формаль-

---

[1] До сих пор в некоторых атеистических работах можно встретить утверждение, что истинная сеобода совести – это сеобода совести *от* религии, а свобода совести е юридическом смысле – лишь услоеие достижения этой подлинной сеободы.

В XVII веке е пуританские колонии Новой Англии начали усиленно проникать кеакеры. Пуритане изгоняли их и кое-кого даже повесили. "Либералы" е их среде начали кампанию протие этих насилий, гоеоря, что это – насилие над соаестью. "Ортодоксы" в своих памфлетах отвечали, что это не так, поскольку ни один нормальный человек не может по соеести говорить такую чушь, какую говорят квакеры. Совесть квакерое – явно несвободна.

ного, конформистского принятия доктрины не предстает как проблема важная, вера не замечает этой проблемы.

И так же не замечается проблема поверхностного усвоения доктрины, связанного с низким культурным уровнем. Для "элитарного", высокообразованного, но абсолютно, догматически убежденного в своей правоте марксиста 20-х годов различие между его пониманием марксизма и идейным миром неграмотного красноармейца – лишь различие в разной степени усвоения той же самой истины. Для элитарной веры "бесхитростная вера" простых людей, естественно – выше, чем элитарное неверие или даже элитарные сомнения. "Классовое чутье" – выше интеллигентской рефлексии.

А. Платонов гениально раскрывает чисто религиозное восприятие марксизма народными массами. Вот как, например, представляется мир после революции одному из героев "Чевенгура": "Теперь жди любого блага, – объяснял всем Чепурный. – Тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как оживевшие дети, – коммунизм дело не шуточное, он же светопредставление"[1]. Это – миф, народная сказка. Но какой-нибудь Луначарский мог бы лишь добродушно улыбнуться простодушию товарища Чепурного. Ведь Чепурный верит в то же, во что верит Луначарский, хотя воспринимает это на своем уровне. Отношение его к Луначарскому – это то же отношение, что у блаженного Августина и ставшего христианином германского варвара. Марксизм Чепурного – это народный марксизм, и в конце концов то, что он говорит, – это лишь изложенное на "варварском" языке Марксово предисловие к "Критике гегелевской философии права".

Вера может совершать чудеса, "двигать горами". Но она не может сопротивляться собственной формализации, догматическому окостенению и вульгаризации, варваризации. Толпы, которые хлынули к марксизму, не могли не восприниматься как свидетельство его победоносности, как его триумф. Но они неизбежно несли с собой его крайнюю примитивизацию. Миллионы искренних, убежденных, но безграмотных марксистов не могли не свести марксизм к простой мифологической сказочной схеме, ради реализации которой ("мы рождены, чтоб сказку сделать былью") они готовы были умирать и убивать. Вызванные "прагматическими" соображениями отсрочки в реализации этой схемы – нэп – были им непонятны и их нетерпение было важнейшим фактором, срыаавшим все разумные планы. Если сразу после революции рая на земле не получилось – ничего, они готовы на новые муки. И они не могут воспринимать своих вождей – прежде всего Ленина, совершенно спонтанный, полностью противоречащий воле этого скромного человека, культ которого достигает колоссальных размеров (вплоть до того, что чувство народа не могло допустить тленности его тела), иначе, чем полубогов, святых и пророков, ведущих их "железной рукой", как Моисей из рабства египетского через пустыни в землю обетованную, "где течет молоко и мед".

* * *

Пока был жив Ленин и у власти стояла небольшая группа высокообразованных марксистов (фантастическим сейчас выглядит факт, сообщаемый в мемуарах Г.Л. Разгона, что некоторые члены ЦК могли гово-

[1] *Дружба народов*, 1988, № 4, с. 90.

рить друг с другом по-латыни), варваризация марксизма не могла торжествовать. Но был один фактор, очень способствовавший ускорению этого процесса, – это борьба за власть во время болезни и затем после смерти Ленина.

Процесс догматизации всегда связан с борьбой за власть в идеологической иерархии, ибо победа в идейном споре означает занятие победившей группой командных постов и догматическое закрепление ее позиции. Естественно, что, когда религия побеждает, этот процесс ускоряется, ибо власть становится более реальной и по отношению к еретикам можно уже употреблять силу. Не случайно, что победа христианства в Римской империи сопровождается резким усилением борьбы догматических партий, созывом соборов, разрешавших споры, и репрессиями против тех, кто оказался в меньшинстве. Но у нас этот процесс невероятно ускорился. Поскольку христианство учит о "царствии не от мира сего", церковная иерархия всегда была отделена от государственной и борьба за власть в государстве не совпадала с борьбой за власть в церкви. У нас же эти иерархии совпадали и борьба за "трон" сливалась в единое целое с борьбой догматических партий. При этом эта борьба в громадной мере есть борьба за признание со стороны темной массы новых марксистов, которая предъявляет совсем иные требования к личности лидера, чем небольшая интеллигентская дореволюционная партия.

Для того чтобы лучше понять, что происходило в это время, обратимся вновь к А. Платонову. Один из его героев, безумный революционер, страстно преданный великой идее и не щадящий никого, в том числе и себя, приходит в Кремль к Ленину. "Упоев, увидев Ленина, заскрипел зубами от радости и не сдержавшись, закапал слезами вниз. Он готов был размолоть себя под жерновом, лишь бы этот небольшой человек, думающий две мысли враз, сидел за своим столом и чертил для вечности, для всех безрадостных и погибающих свои скрижали на бумаге... "Ты гляди, Владимир Ильич, – сказал Упоев, – не скончайся нечаянно. Тебе-то станет все равно, а как же нам-то". Ленин засмеялся – и это радостное давление жизни уничтожило с лица Ленина все смертные пятна мысли и утомления. "Ты, Владимир Ильич, главное, не забудь оставить нам кого-нибудь вроде себя – на всякий случай"[1]. Этот эпизод прекрасно иллюстрирует то, что происходило в 20-е годы. Народные массы, в сознании которых Ленин превратился в фигуру божественную, ждут, что Ленина сменит такая же "сверхчеловеческая" личность, которая поведет народ дальше – к социализму. Но кто это может быть? Естественно, что это должен быть самый верный ленинец, человек, который также правильно понял ленинскую мысль и может применить ее к новым условиям, как Ленин понял и правильно применил мысль Маркса и Энгельса. Это должен быть "Ленин сегодня". Борьба за власть в государстве, за наследие Ленина в этих условиях превращается в борьбу за то, кто может утвердить себя большим ленинцем. Те же люди, которые очень часто спорили с Лениным и, более того, не очень-то считались с ним в период его болезни, начинают, соревнуясь друг с другом, раздувать культ его личности и делать из его наследия новое "священное писание" – как бы второй после Маркса и Энгельса пласт нашего "священного писания".

---

[1] А. Платонов. Впрок (бедняцкая хроника). Повести и рассказы. 1928–1934. М.,1988, с. 265.

Этот процесс с поразительной отчетливостью виден в материалах XIV съезда, где разворачивается второй раунд борьбы за ленинское наследие (Сталин и Бухарин против Каменева и Зиновьева). В выступлениях на съезде есть одно поразительное по своей "прозрачности" место. Это – конец выступления Камила Икрамова. Он говорит: "В заключение одна просьба: вы, старые большевики, себя называете учениками Ленина; мы, молодняк, просим и требуем преподнести нам учение Ленина как оно есть, в чистом виде"[1]. Это – "социальный заказ" на догму. А вот как этот заказ выполняется буквально "на глазах". Сталин в политическом докладе полемизирует с Зиновьевым (мы сознательно опускаем то, что относится к сути полемики, нас интересует ее логика). "Тов. Зиновьев пишет... (цитата. – *Д.Ф.*). Тов. Бакаев спрашивает, что тут страшного? А я вас попрошу сравнить статью тов. Зиновьева с тезисом Ленина (цитата. – *Д.Ф.*)... и ответить, отошел тов. Зиновьев от тезиса Ленина или не отошел... (Возглас с места: "Подразумеваются другие страны, кроме России". Шум.) Не выходит, товарищ, ибо в статье тов. Зиновьева говорится о "задачах, которые *совершенно* общи *всем* партиям Коминтерна". Неужели вы будете отрицать, что наша партия есть тоже часть Коминтерна. Тут прямо сказано: *всем* партиям". (Возглас со стороны Ленинградской делегации: "В определенные моменты!" Общий смех.) Сравните эту цитату из статьи тов. Зиновьева о ... с цитатой из речи Ленина ... и вы поймете, что между ними нет ничего общего"[2]. И это отнюдь не только Сталин. Такой стиль полемики становится общим стилем у всех этих людей, только что отвергших прямые указания умирающего вождя. Вот как нападает на Зиновьева Бухарин: "Товарищ Зиновьев в своей книжке не понимает одного места из Владимира Ильича, или понимает его формально, как некоторые персонажи, которые читают по складам, но не вникают в смысл"[3]. А вот Рыков: "Я не буду опровергать этого лозунга... своими словами, а прочту маленькую цитату из того, что писал Владимир Ильич"[4]. А вот сам третируемый как не ленинец Зиновьев: "... ленинградцы – ни "левые", ни "правые", они просто ленинцы"[5]. Буквально на наших глазах "бешеными темпами" сочинения Ленина превращаются в "священное писание" и создается ленинистская догматика.

И такими же темпами пераллельно с этим идет процесс "сакрализации" партии.

---

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М–Л., 1926, с. 177.

[2] Логика догматизма всегда одна, о чем бы ни шла речь. На XIV съезде партии речь шла об отношении к середняку. На I Никейском соборе она шла об отношении Бога-Отца и Бога-Сына. Но посмотрите, как схожи логики, как одинаково идет процесс уличения еретиков. Православные епископы отвечают защитнику арианской ереси: "Оставаясь так долго... в вере апостольской, каким образом ты позволяешь себе уклоняться...? Вот вот только слышал ты от нашего святого собора пророчества великого Иеремии, который, как бы перстом указуя, говорит: "Сей Бог наш и не вменится ин к нему" и пр. и прибавляет еще: "По сем на земле явися и с человеки пожива". Ты помнишь... что на вопрос св. епископов: "Кто явился на земле и жил с людьми, Отец или Сын?" ты отвечал, что Сын, как и священное писание свидетельствует – ведь так ты сказал. Зачем же опять повергаешься в глубину нечести Ариева, или, лучше сказать, погрязаешь в ней?". – Деяния вселенских соборов, т. I. Казань, 1887, с. 55.

[3] XIV съезд ВКП(б), с. 147.

[4] Там же, с. 411.

[5] Там же, с. 707.

Совершается очень интересный "диалектический" процесс перехода понятий в свою противоположность. Идея, что есть единая марксистская истина, и партия, вооруженная этой истиной, естественно, будет партией победоносной, постепенно перерастает в идею, что победоносная марксистская партия всегда обладала и обладает истиной, она не может ошибаться, как не может ошибаться церковь, движимая Святым Духом. Если до революции объектом веры революционеров был сам марксизм, а не партия как таковая, они не боялись расколов и ухода из партии (ибо если партия ошибается, она – немарксистская), то теперь ситуация меняется. Партия сама становится объектом веры. Догматическое сознание начинает прямо-таки панически бояться раскола и вообще любых разногласий, ибо разногласия подрывают веру, порождают сомнения. Есть одна истина – ленинизм, и есть одна партия, обладающая этой истиной. Борьба за право быть наследником и интерпретатором ленинского "священного писания" – это одновременно борьба за то, кто установит железное единство в партии, ибо "партия есть единство воли, исключающее всякую фракционность и разбивку власти..."[1].

В этой борьбе побеждает Сталин. Его победа, как исход любой борьбы, в какой-то мере случайна. Но очевидно, все же, что в значительной степени это было "выживание наиболее приспособленного", причем "наиболее приспособленного" именно к создавшейся тогда духовной ситуации ожидания как можно более четкой догмы и как можно более ясного указания ленинского пути. В этой ситуации оригинальность мышления, творческое начало, слишком большая образованность, и уж, конечно, способность к самокритике и мягкость скорее были помехами. Требовалась не творческая фигура, а "железный ленинец". А у Сталина даже фамилия – Сталин. Он невозмутим и уверен в себе. И стиль полемики и мышления у него идеально догматический, недаром он учился в семинарии. Он не блестящий оратор, но у него "железная логика", вернее – то, что воспринималось массой полуграмотных марксистов как "железная логика" – бесконечные цитаты из Ленина, "катехизические" вопросы и ответы, постоянные "во-первых, во-вторых, в-третьих". От него исходит та непоколебимая уверенность в знании правильного пути, в которой так нуждалась масса Чепурных и Упоевых, оставшихся без Ленина. Вот прекрасный образец "железного" сталинского стиля, завораживающе действующего на народ: "Историческое значение XIV съезда ВКП(б) состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросить прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства"[2].

Ленин для массы верующих российских марксистов был пророком, приведшим их в обетованную землю. Но когда до этой земли дошли, выясняется, что это – не совсем та земля, где "текут молоко и мед". До этой земли еще идти и идти. И как раз в это время пророк умирает. Но появляется новый пророк, "Сталин – это Ленин сегодня", и движение продолжается. Люди готовы на новые страдания, вновь готовы умирать и

---

[1] И.В. Сталин. Об основах ленинизма. Вопросы ленинизма. М–Л., 1926, с. 75.

[2] Там же, с. 68.

убивать, лишь бы дойти до земного рая, до царства добра и справедливости. В сознании людей возникает как бы "триада" – Маркс и Энгельс (слитые воедино) – Ленин, истинный ученик Маркса и Энгельса, единственный из их учеников, который смог до конца овладеть их учением, творчески применить его и в силу этого совершить революцию, – а также Сталин, истинный ученик Ленина, миссия которого – привести народ к социализму (что он совершает к 1937 г.) и затем – к коммунизму. И это движение одновременно является движением к крайней догматизации и к немыслимым масштабам культа личности Сталина. Культ Ленина возник спонтанно, против его воли (и лишь затем сознательно раздувается его учениками). Ленин – вождь раннего периода развития марксистской "церкви", когда была живая мысль, когда люди спорили друг с другом. Он не хотел и не мог делать из себя живого Бога. Но Сталин выдвигается в совсем иной атмосфере, он улавливает новые психологические потребности и строит в соответствии с ними свой образ, свою политику и свою идеологию. Это – идеология предельно догматизированного марксизма-ленинизма, в которой, как во всех догматизированных системах, верность форме сочетается с отходом от духа и сути.

* * *

Любая догматическая идеология имеет своим источником некое "священное писание". В сталинской идеологии мы можем говорить о наличии трех "пластов" "священных писаний".

Самый первый пласт – это сочинения Маркса и Энгельса. Это – сакральные тексты людей, которые вообще не ошибались (Сталин в своей "сатанинской гордыни" несколько раз уличал или почти уличал в ошибках Энгельса, но это – лишь Энгельса и лишь Сталин)[1]. И как всегда бывает с сакрализованными и догматизированными текстами, другой стороной сакрализации и догматизации является крайний произвол их толкования. Ведь если подразумевается, что и "Капитал" и написанные не для публикации письма, и тексты 40-х годов, и тексты 90-х годов содержат одну и ту же и полную истину, толкование просто не может не быть произвольным. При этом внутренние противоречия текстов "выпрямляются", словам, явно употребляемым в буквальном смысле, придается

[1] Одной из важнейших проблем нашего догматического сознания была защита непогрешимости текстов Маркса и Энгельса от того самоочевидного факта, что многие их предсказания явно не исполнялись. Здесь догматическая мысль подсказывает совершенно гениальный ход – использование для догматизации текстов основоположников марксизма, для "ухода" от верификации, саму, имманентную марксизму как научной теории, идею развития учения. Те предсказания, которые явно не исполнились, объявляются абсолютно истинными, но для своего времени. Например, Маркс и Энгельс говорят о том, что победа революции произойдет в развитых европейских странах и после нее произойдет отмирание государства. Этого не произошло. Значит ли это, что они ошибались? Нет, говорит Сталин, они были правы для своего, домонополистического периода и для условий победы социализма в группе стран, ибо если бы тогда произошла революция, то она произошла бы в группе самых развитых стран и тогда государство отмерло бы. Несбывшееся предсказание объявляется все равно верным.

27-1303

небуквальное значение[1], наоборот, явно литературные образы, вроде "религия – опиум народа", становятся чуть ли не точными определениями. Возникает очень характерная для любой догматической системы двойственность отношения к сакральному тексту. Он – абсолютно истинен, но понять эту абсолютную истинность крайне сложно. В конце концов ведь все марксисты читали Маркса, но ни Плеханов ни Каутский не могли его правильно понять. Правильно понять его мог лишь Ленин. А раз так, значит самостоятельное изучение его – опасно. Изучать его без руководства, не сквозь призму экзегетики – значит наверняка впасть в ошибки. Происходит то же самое, что в средневековом христианстве происходило с Библией – сакральный источник доктрины становится опасен для доктрины. И не только опасен, но в некотором роде и не очень нужен. Ведь если марксизм уже применен единственно правильным путем к нашим условиям, то и естественно обращаться не к этим трудным текстам, повествующим о делах, давно минувших, а к текстам Ленина и Сталина. Как средневековое христианство "отодвигало" Библию, запрещая переводить ее на живые языки, так у нас "отодвигался" Маркс и Энгельс, полного собрания сочинений которых у нас до сих пор нет. Фактически реальная роль их произведений весьма невелика, и просто невозможно себе представить, например Сталина, изучающего "Капитал".

Второй пласт "священного писания" – произведения Ленина. Ленин – ближе по времени, понятней, и, кроме того, – важнейшим элементом легитимации положения Сталина является то, что он – самый верный ученик Ленина. Поэтому роль его произведений – больше. Но объективно с ними происходит то же самое, что и с текстами Маркса. Опять-таки догматическая экзегетика делает немыслимое. В 1939 г. Сталин, обосновывая на XVIII съезде партии созданную им бюрократическую машину, ссылается на "Государство и революцию". И не просто ссылается – все это обоснование мыслится развитием этих идей. И если искренность самого Сталина еще может возбуждать сомнения (хотя я вполне допускаю его искренность), то искренность миллионов советских людей, которые это "Государство и революцию" бесконечно сдавали на разных экзаменах и никакого противоречия между идеями этой книги и идеями и реальностью сталинизма не видели, не может вызывать сомнений. Это – безумие, но это обычное безумие догматизированной идеологии. Это не большее безумие, чем то, что люди эпохи инквизиции и утопающего в роскоши папского двора не замечали противоречий этой реальности и обосновывающих ее текстов и евангельского учения. И, как и Маркс, Ленин тоже отодвигается на задний план. В конце концов, ведь его тоже можно интерпретировать по-разному, оппортунисты тоже на него ссылались, и есть единственно верная его интерпретация – тем, кто есть Ленин сегодня.

Сталин – единственно верный интерпретатор Ленина, который в свою очередь – единственно верный интерпретатор Маркса и Энгельса.

---

[1] Пример этого "выпрямлвния" – создание в сталинское время "пятичпенной" схемы формаций. У Маркса быпа идвя "азиатского способа производства", не очень-то *вяжущаяся с* идеей *единого* процесса смены формаций – не *локальных*, а всемирных. Наша экзегетика "распрямляет" эту "кривизну", объявпяя, что "способ производства" здесь употребляется в ином значвнии, чем в других мвстах, а реальная история подгоняется под схему так, что в Китве и Индии обнаруживаются эпохи рабовладвния и феодализма.

Авторитет Сталина, таким образом, производен и вроде бы меньше авторитета Маркса–Энгельса–Ленина. Но, с другой стороны, он как бы включает в себя их авторитеты, он – живое воплощение марксизма[1]. И его тексты начинают образовывать как бы третий слой "священного писания".

Но культ Сталина имеет и иное происхождение, иную идеологическую основу – в культе партии. Партия мыслится совершенно "мистически" – как не способная ошибаться организация, вся история которой – это история "отметания" различных "ересей". "История развития внутренней жизни нашей партии есть история борьбы и разгрома оппортунистических групп внутри партии – "экономистов", меньшевиков, троцкистов, национал-уклонистов"[2]. Из этой борьбы она каждый раз выходит все более очищенной и монолитной. Это – ленинская партия ("Мы говорим – Ленин, подразумеваем – партия, мы говорим партия, подразумеваем – Ленин" – наш вариант учения о церкви как теле Христовом). И если эта партия поставила во главе себя Сталина, то уж, наверное, она не ошиблась. И здесь снова происходит догматический "переход противоположностей". Партия, абсолютно единая и не способная ошибаться, превращается из реальной силы в институт, функции которого в громадной мере ритуальны. Если при Ленине и сразу после его смерти на партийных съездах идут ожесточенные бои, то на XVIII съезде читаются стихи, прославляющие Сталина. Все ереси уничтожены, правильный курс проложен, и в общем-то делать на съездах уже нечего.

Сталинский культ вырастает из всей догматической системы – и из представления о текстах Маркса–Энгельса–Ленина как о текстах, содержащих полную и высшую истину, и из представления о партии как организации, не способной ошибаться. Сталин – как бы воплощение марксизма и партии. И это позволяет ему выступать оракулом по всем вопросам. Если марксизм-ленинизм дает методологию, позволяющую правильно разобраться во всех сферах науки (и не только в социальных науках, но и в естественных, где тоже есть свои метафизические и идеалистические тупики, выбраться из которых можно лишь при помощи марксистской материалистической диалектики) и в сфере искусства, а "Сталин – это Ленин сегодня", то Сталин получает "логическое право" вмешиваться во все проблемы наук и искусств. Создается единая всеохватывающая догматическая культура.

---

[1] Вот очень характерное место в полемике Сталина с Троцким: "Интересно, что тов. Троцкий фыркает даже на слова "народ", "революционная демократия" и т.п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста. Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист... писал": (далее цитата. – *Д.Ф.*). "Тов. Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист..., пишет (опять цитата. – *Д.Ф.*). Этих слов Ленина забывать нельзя". (И.В. Сталин. Вопросы ленинизма, с. 197). Обращение к авторитету Маркса здесь не прямое, а опосредованное текстом "несомненного марксиста" Ленина. Но так как Сталин абсолютно верен ленинскому тексту, он оказывается как бы воплощением и Ленина и Маркса.

[2] История ВКП(б) в кратком курсе. М., 1948, с. 343. Для иллюстрации единства догматического сознания приведем цитату из послания папы Либерия: "А несоглашающиеся ... извергнуть яд злоучения, отбросить всякие хулы Ария и анафематствовать их, пусть знают, что вместе с Арием, учениками его и прочими змеями, как-то савелианами, патропассианами и всякою иною ересью, они отчуждаются и лишаются общения с церковными собраниями, так как церковь не принимает сынов блуда". (Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911, с. 250).

Создается своя, марксистско-ленинская, каноническая живопись, архитектура, литература, музыка. И не только содержание художественных произведений должно быть правильным, но правильной должна быть и форма (находящаяся в диалектичвском единстве с содержанием).

Как в средние века христианство догматизирует не только свое собственное учение, но и науку, Аристотеля, так и у нас создается своя марксистско-ленинская биология (Мичурин, Лысенко)[1], физика (отрицающая Эйнштейна) и чуть ли не математика.

Создается своя агиография, свои святые – Николай Островский, Стаханов, Чапаев и т.д.

Складывается своя обрядовая система, система праздников – литургический год.

Все это связано в единое целое и поддерживается грандиозной системой пропаганды – постоянным прохождением всех советских людей через обучение марксизму-ленинизму – от школы до аспирантуры, средствами массовой информации, оценивающими текущие дела с точки зрения догмы, тысячами книг, статей, картин. Фактически создается законченная цивилизация догматического марксизма-ленинизма, и создается с головокружительной скоростью. Но и падение ее происходит с такой же удивительной быстротой. Человек, которому в 1960 г. было 70 лет, мог во взрослом, сознательном состоянии наблюдать крушение одной цивилизации, не только зарождение, становление и расцвет, но и упадок – другой.

Христианство, мусульманство, буддизм создали цивилизации, которые держались века. У нас же все шло с головокружительной быстротой, и на самом пике нашего расцвета, не успела цивилизация принять законченные формы, как в ней обозначились признаки упадка. Она оказалась эфемерной. Почему?

* * *

Прежде всего, потому, что два аспекта марксизма – марксизм как вера и марксизм как научная теория – находятся в противоречии, и научный аспект марксизма "взрывает" его религиозный аспект.

Традиционные религии, как и марксизм, делали предсказания, и выполнение этих предсказаний мыслилось подтверждением их истинности. Но эти предсказания – частичное раскрытие Богом будущего – всегда были достаточно неопределенны. Ранние христиане, гонимые римскими властями, верили в очень скорое, "со дня на день", второе пришествие Христа. Второе пришествие не наступило – вместо этого христианство стало государственной религией и его лидеры, занявшие "достойное положение" в обществе, уже не имели оснований мечтать о

---

[1] Очень интересен параллелизм между социальной логикой догматизироеанного марксизма и логикой лысенковщины. Овладение марксистской истиной позволяет находить праеильное решение социальных проблем и путь к земному раю, при зтом вера важнее образоеания, "классовый инстинкт" важнее формальных знаний. Но ведь марксизм – не только единственно верный метод социального знания, это – вообще единстеенно верный метод научного знания. И применение зтой логики к биологии "евтоматически" дает лысенковщину, где "ветвистая пшеница" играет роль биологического экеивалента коммунизма.

его скорой гибели. Идея "второго пришествия" отодвигается на задний плвн. Когда-нибудь оно произойдет, но когда – неизвестно и много думать об этом не стоит. Но то, что "второго пришествия" не произошло, не нвнесло удара вере – ведь предсказание здесь не устанавливало жесткой связи между реальными человеческими действиями и "вторым пришествием", не говорило: "Если вы сделаете то-то и то-то, Христос придет во славе". Это неверифицируемое предсквзание, как неверифицируемы утверждения типа: "Если вы будете делать то-то и то-то, вы попадете в рай". Но марксизм, став религией, объектом веры, не перестал быть научной теорией, делающей верифицируемые предсказания. Он говорит о конкретных реальных социальных действиях, после которых должно наступить вполне земное счастье, земной рай. Действия совершаются, но рая не наступает. Как в этой ситуации должны действовать "защитные механизмы" веры, как "уйти от верификации"? Есть два основных пути "ухода от верификации", и религиозный марксизм идет сразу по обоим этим путям.

Первый путь – "отодвижение" рая. До революции победа революции, социализм и коммунизм сливаются в сознании революционеров воедино. Революция есть вступление в мир свободы и справедливости, и достаточно прочесть "Государство и революция", чтобы увидеть весь масштаб ожиданий революционеров-марксистов. Революция побеждает, но рая не наступает. Для некоторой части революционеров это означает кризис веры, и приход нэпа сопровождался даже самоубийствами людей, оказавшихся не в силах вынести расхождения между ожиданиями и реальностью. Но веру большинства спас простой и естественный ход мысли. Рай – это не просто победа революции, а построение социализма, который можно построить и в одной стране (сталинское развитие марксизма), но ценой невероятных усилий. Рай отодвигается и начинается строительство социализма – претворение мифологии в жизнь. Догма дает ясную и четкую картину того, что такое социализм, и ценой полного разорения страны при героическом энтузиазме и кровавом терроре в 30-х годах социализм построен. Но это означает лишь увеличение разрыва между верой и реальностью. С одной стороны, рай вроде бы уже создан, с другой стороны – есть нищая страна, где живут голодные и запуганные люди. И начинается новое "отодвижение рая". Социализм – это уже почти рай (первая стадия коммунистической формации), но все же не полный рай. Полный рай – это коммунизм. Начинаются "великие стройки коммунизма". Люди с невероятным упорством, преодолевая немыслимые лишения, идут через пустыню к миражу. Путь им ясен, отчетливо виден – надо дойти вот до того бархана и сразу же за ним – прекрасный оазис, но когда они до него доходят, оказывается, что оазис – впереди и до него еще идти и идти.

Постепенное отодвижение рая – первый путь "ухода от верификации", но есть и второй путь – путь изображения реальности как бы раем. По мере увеличения разрыва между реальностью и ожиданиями усиливается страх перед реальностью и ее уже не только бессознательное, но и сознательное искажение. Постепенно складывается система, наглухо закрывающая страну от мира иноверцев – и уже не только для того, чтобы не проникла "идейная зараза", но и для того, чтобы не проникли факты, не проникла реальность. Мир иноверцев изображается все более карикатурно, а наш собственный – все более приукрашенно, пока в послевоенный период не создается картина мира, уже вообще никакого

отношения к реальности не имеющая, когда в кинотеатрах, романах, живописных полотнах нищая, голодная и терроризированная страна изображается царстеом изобилия, окруженным миром нищеты и бесправия.

Очевидно, в какой-то мере этой же потребностью сохранить догму от столкновения с реальностью объясняется и сталинский террор. Естественно, что этот террор – и "нормальный" для догматической системы террор против еретиков и потенциальных еретиков, и террор тирана против всех, кто может попытаться ограничить его власть или просто не подчиниться ему. Но в нем есть и еще один аспект. Шпионы и вредители в сознании людей сталинской эпохи выполняют функции средневекового дьявола: на него списывается все зло этого мира, которое не может исходить от всеблагого Бога. Все плохое, что не может быть объяснено хорошей системой, объясняется действием жуткого и "внесистемного" фактора. Ясно, что по мере все большего расхождения реальности и мифе на дьявола должно списываться все больше и больше – очевидно, отсюда и теория усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму и коммунизму.

Параллельно идут взаимосвязанные процессы – страна разоряется, выполняя основанную на мифологической и догматической схеме сталинскую программу. Но чем более она разоряется, тем более – в теории – приближается земной рай. Реальность и ее идейное осмысление все более расходятся, и образующаяся между ними пропасть должна все больше заполняться кроеью и ложью. Но чудовищное напряжение террора, великих строек и энтузиазма начинают спадать. Вера все отчетливее "выдыхается".

Она "выдыхается" и потому, что сил уже больше нет, и, как ни закрывай глаза на расхождение реальности и догмы, оно проникает в сознение; и потому, что происходят громадные социальные сдвиги, несущие за собой важные изменения е сознании. Триумф религиозного марксизма был связан с подъемом низов русского общества, с приходом к социальной активности, к культуре, к власти темной неграмотной массы – платоновских героев. Но постепенно ликвидируется неграмотность, города "переваривают" миллионы хлынувших в них крестьян. Платоновский полуграмотный фенатик отходит в прошлое.

Победа ранее гонимой веры и ее догматическое окостенение означают выдеижение на первый план другого типа личности. Мученики и герои "катакомбного" периода, страстные и потому недисциплинированные, уже не нужны и даже опасны. На поверхность еыходит совершенно иной тип – бюрократически-иерархического политика и карьериста. Не случайно, что с победой христианства совпадает возникновение монашества – страстным религиозным "энтузиастам" не было места в ноеой церкви, они стремились уйти от нее, и иерархия давала им возможность уйти, самоизолироваться и использовала их колоссальный авторитет. Но у нас при социальной заостренности нашей веры не было места монастырям. Место монастырей заняли концлагеря, в которых систематически уничтожаются все действительно горящие марксистско-ленинскими идеями идеалисты. Одновременно слияние государстеенной и идеологической иерархий вело к тому, что прагматические критерии при оценке статуса в ней и при карьере (хороший работник) подтачивали критерии идеологические: наверх шли не столько догматики-идеалисты, сколько, в худшем случае – карьеристы, в лучшем случае – просто чест-

ные работники, преданные Родине и партии, т.е. Сталину, верящие в марксизм, но видящие в нем скорее просто символ этой преданности, чем действительно источник вдохновения. Эти люди более или менее довольны существующим, и марксистская эсхатология мало говорит их уму и сердцу. Они тоже устали от террора и мечтают о стабильности.

В результате при формально-тотальной победе идеологии она очень быстро становится "внутренне пустой". Но "природа не терпит пустоты", и пустота начинает заполняться идеологией, прямо противоположной марксистской, – идеологией русского великодержавного шовинизма с сильными "традиционалистскими" оттенками. Если христианство, мусульманство и другие религии развиваются медленно, постепенно, то наша идеология проходит цикл своего развития с невероятной скоростью. Сталин – деятель еще "катакомбного" периода нашего идеологического развития, человек, проводивший экспроприации и бежавший из ссылки, так сказать один из "первых христиан". И он же – ренессансный папа, обратившийся к античному наследию, ибо он тоже на самом пике догматизации нашей идеологии обращается (бессознательно, не видя здесь противоречия) к идеологии побежденной, отринутой и, в отличие от еретических форм марксизма, не угрожающей его власти. Великий марксист сам ощущает пустоту своей догматизированной идеологии и начинает рядиться в одежды Ивана Грозного, а патриарх и митрополиты становятся постоянными участниками всех кремлевских торжеств. Это "опустошение" идеологии, неверие самого вождя и "классика марксизма" в свои собственные догмы видно и во внешней политике, где эпоха "крестовых походов" кончилась и чисто государственные соображения все более превалируют над интересами "веры и церкви". Если изначально наше государство мыслилось всего лишь ядром будущего всемирного государства, то Сталин при всей своей агрессивности, даже тогда, когда может, не выходит за рамки старой российской империи. Сталин ищет новые "подпорки" для своего трона и созданной им социально-политической системы, но это лишь усиливает идеологическое напряжение, ибо к противоречиям мифа и реальности добавляются противоречия между различными компонентами сталинской идеологической эклектики и противоречие его образа, его идеологии и его культуры с ленинскими идеологией, образом и культурой, которые уже нельзя "замазать" никакой экзегетикой. "Сталин – это Ленин сегодня" все более начинает выглядеть "анти-Лениным".

Мы еще плохо знаем сталинскую эпоху, и нам трудно сказать, в какой мере можно говорить о нарастании в 40-е и в начале 50-х годов идеологического кризиса. Но очевидно, что "на верхах" было всеобщее ощущение, что так дальше нельзя, и смерть Сталина с облегчением восприняли все его соратники (вплоть до его главного палача Берии, от которого, возможно, исходили первые попытки бросить тень на фигуру Сталина). Логика нашего догматического развития прерывается. По этой логике после периода борьбы за праео считаться истинным учеником и наследником Ленина и Сталина должен был победить "икс", который стал бы "Сталиным сегодня", как Сталин был "Лениным сегодня" и который должен был осуществить переход к коммунизму[1]. Вместо этого наступило "разоблачение культа личности".

[1] Для этого он должен был бы отменить деньги, перейти к каким-то формам распределения "по потребностям", объявить репрессивный аппарат не государством, а каким-нибудь общественным самоупрвелением и т.д. – задача, разумеется, трудная, но е принципе реализуемая.

* * *

Эпоха Хрущева – крайне противоречива. В какой-то мере при нем продолжает действовать механизм догматизации. Он, если и не воплощение Ленина, то все же "истинный ленинец". Его доклады изучаются как идеологический источник. И он строит коммунизм, который должен наступить "при жизни этого поколения" (хотя строит без особого напряжения). Но одновременно при нем возникает сильная тенденция к тому, что можно назвать "реформацией" нашей марксистской веры. В какой-то мере происходит движение от "предания" к "писанию", движение назад, к источнику идеологии, Ленину (а в относительно узком круге "интеллектуалов" – и к Марксу, Энгельсу и к Гегелю). И как в христианской реформации, в форме движения назад осуществляется движение вперед и к большей свободе, ибо источник идеологии освобождается от позднейших интерпретаций и вновь допускает разные прочтения. "Разоблачение культа личности" расшатывает идею единого правильного пути и партии, которая не может ошибаться. Возникает относительная терпимость – и "внутриидеологическая", и к другим идеологиям. При этом тенденции к возрождению элементов дореволюционной символики и идеологии, характерные для 40-х – начала 50-х годов, отходят на задний план и относительная идейная терпимость сопровождается гонением на церковь (как бы возвращается антиклерикализм 20-х годов).

Но достаточно посмотреть на фотографии Никиты Сергеевича, чтобы понять, что марксистский Лютер из него выйти не мог. Он был порождением той бюрократической идеологически-государственной иерархии, которая не могла создать никакого института, сохраняющего индивидуалистических, самостоятельно мыслящих и чувствующих, преданных идее людей, и систематически уничтожала их. И слой, который поддержал Хрущева и принял его идеологию, стремился не столько к возрождению революционного духа ленинской эпохи, духа преобразований, строительства нового общества, сколько к стабильности. Он отверг Сталина не столько потому, что тот объективно возрождал ценности, противоречащие идеалам революции, сколько потому, что при сталинском терроре его представители не могли ощущать себя в безопасности. За словами о возрождении ленинских идеалов скрывалось стремление к олигархизации и спокойному наслаждению жизненными благами. Хрущевская реформация была "вялой", бессильной, и 1963, а затем 1968 г., наносят ей роковые удары.

70-е годы проходят под знаком полной деградации марксистской мысли, превращающейся в набор формул, смысл которых давно и прочно утерян. Реальные духовные процессы идут помимо марксистской традиции и скорее являются продолжением и развитием той тенденции к возрождению дореволюционной идеологии, которая возникает еще при Сталине, но теперь от создания эклектического привеска к догматизированному марксизму переходит к выработке относительно ясных и четких, противостоящих официальной догме идеологических форм. Формально господствующая идеология становится такой же дряхлой, склеротичной, по-старчески добродушной и бессильной, но так же держащейся за свою формальную власть, как воплощающий ее лидер.

Перестройка вновь в какой-то мере возрождает реформационную линию развития, прерванную в 1968 г., естественно приводит к обраще-

нию к Ленину, к той эпохе развития нашей идеологии, когда была живая партийная жизнь и жиеая марксистская мысль. XIX партконференция, на которой изумленная Россия епервые слышала споры и где епервые за многие годы решения принимались большинством, а не единогласно – это как возвращение к ленинским партийным форумам. И одновременно, через такое возвращение, осуществляется процесс, через который в XX веке проходят (разными темпами и в разных формах) все догматические системы – процесс дедогматизации, усиления терпимости, подключения к экуменическому диалогу. XIX партконференция – еозеращение к партийным форумам ленинской эпохи и одновременно – это как бы наш аналог 2-го Ватиканского Собора. Но здесь нас подстерегают очень большие трудности и опасности.

* * *

Будем смотреть правде в глаза – у нас осталось не так много сил, чтобы еыполнить громадную идейно-теоретическую работу по критическому анализу нашей идеологии. Для этой работы нужна реальная заинтересованность. Но для большинства – и народа и интеллигенции – формулы догматического марксизма уже утратили какой-либо смысл и привлекательность. И действительно, утверждение, что мы олицетворяем тот высший формационный уровень, к которому должно прийти все человечество, – социализм, который должен сменить капитализм, – очевидный бред. О пролетарской рееолюции и говорить не приходится – уже нет того пролетариата, который мог бы ее произвести. Куда проще и естественнее просто отбросить всю эту ветошь, из-за которой были пролиты реки крови, чем разгребать авгиевы конюшни нашей догматики. Но разгребать их все-таки нужно. И нужда эта – как политическая и социальная, так и духовная и интеллектуальная.

Интеллектуапьная и духовная – прежде всего потому, что марксизм – это не просто система догматических и устаревших ответов на разные вопросы. Это еще и система вопросов, которая в некотором роде имманентна современному человечеству. И как христианские исходные понятия обладают значением независимо от их мифологической оболочки (пусть Адама и Евы не было, но первородный грех все-таки есть), так же обладают великим значением идеи марксизма, который недаром стал в XX веке верой чуть ли не половины человечества. Пусть нет "пятичленки" формаций. Но есть глубочайшая потребность современного человека найти логику и стадиальность (и эта стадиальность, несомненно, есть) всемирно-исторического процесса, понять, откуда и куда мы идем. Пусть обобществление средств производства (если это можно назвать обобществленивм) ни к чему хорошему не привело, и мы не столько сейчас мечтаем о коммунизме, сколько мечтаем о заимствовании различных элементое западной капиталистической экономики. Но мы не можем не стремиться к строю, в котором не будет противоречий между человеком и социумом, где человек не будет во власти "объективных" и нечеловеческих законов социума (и не можем не соотносить этого стремления с постижением логики всемирно-исторического процесса). Все это может не очень волновать американцев, которые (худо-бедно), но черпают духовные силы в религии и имеют право свысока смотреть на весь остальной, более бедный и менев свободный мир. Но в нашей стране,

где даже децентрализация может совершаться лишь централизованно и освобождение от господства плана – планомерно, эти вопросы – реальные и животрепещущие. Мы не можем не строить некоего нового мира и, следовательно, должны тщательно изучать, что в предшествующем строительстве привело к тому, что здание, пока оно не рухнуло, пришлось срочно перестраивать. Без этого тщательного анализа всего плана строительства мы рискуем, по Салтыкову-Щедрину, разрушить старое здание, построенное на песке, и начать строить новое на том же песке.

И это – вторая причина, по которой старая догма заслуживает не отбрасывания, а тщательного анализа, цель которого – извлечение из нее "рациональных зерен". Когда старая догма просто "выкидывается на помойку", признается печальным заблуждением, досадной аберрацией, возникает очень реальная опасность повторить все "по новой". Оказавшийся в идейной пустоте человек начинает судорожно искать, за что ухватиться, и вновь попадает в "ловушку веры". Не разобравшись в прошлом, он не может увидеть, как это прошлое возвращается к нему в новом облике. Протестантские общества, в которых шла глубочайшая и всестороннейшая критика средневековой религии, обошлись без новых форм религиозности и сопутствующих им инквизиции, "крестовых походов" и т.д. Но там, где христианство было просто отброшено, как чепуха, опровергнутая современной наукой, средневековье вернулось в новом и неожиданном наряде "научной идеологии".

Но это же – и политическая опасность. Самое страшное, что может у нас произойти, – это отнюдь не возрождение старого сталинизма, который давно и прочно мертв; самое страшное – это если люди, не выдержав открывающейся духовной свободы и неопределенности, потянутся за новыми прочными ориентирами и все повторится еще один раз. И пусть это повторение будет уже в очень ослабленном (в стране – другой уровень образования, в мире – другой духовный климат и т.д.) виде, но зато оно будет в стране, до отказа наполненной ядерными боеголовками, а к чему это может привести – лучше не думать на ночь. О том, что такая опасность реальна, говорит мощь начавшихся националистических движений, в которых можно ощутить всю слепоту и силу веры, которая, казалось бы, исчезла в нашем обществе.

На разных этапах своей эволюции идеологии могут выполнять очень разную роль. Сейчас, во времена Иоанна Павла II и борьбы протестантских церквей за мир и демократию, мы забываем, что христианство в период своего тотального господства в средневековом обществе – это религия инквизиции, религиозных войн, изгнания евреев и мусульман из Испании и т.д., и т.п. И, как это ни парадоксально, сейчас идеология, создавшая Гулаг, не только может стать важнейшим инструментом демократизации, но более того – ее сохранение и оживление представляется автору единственным путем, на котором мы гарантированы от новых Гулагов. Но оживить ее – это значит развернуть ее тотальную и всестороннюю критику.